КОМУ НУЖНЫ САЗАН, ОСЕТР И МЕЛКАЯ РЫБЕШКА?

В шестидесятые годы XX века 60 тысяч тонн рыбы в Узбекистан завозили и 25 тысяч было своей — в основном аральской. Когда упали уловы в Арале, построили пруды. Они давали узбекистанцам около 25 тысяч тонн в год. В 2000-м общий улов рыбы в республике составил 8,8 тысячи тонн. Каковы причины резкого сокращения рыбных ресурсов и перспективы?

В мае 2001-го по Сырдарье в районе Чиназа перестали ходить моторки и катера: так обмельчало. Участок реки до казахской границы превратился в каскад, перегороженный дамбами. За дамбами хозяйства накапливали воду и откачивали ее полусотней насосов — так в маловодье решали проблему полива. Никто не думал о рыбозаградительных сетках, очистка которых требовала бы остановки насосов. Никто не думал и о том, что рыба летать не умеет: из Чардаринского водохранилища, куда уходила на зимовку, ей не подняться на нерест к Бекабаду, дамбы не перепрыгнуть. Поубавилось живности в Сырдарье и ее притоках. Дальше – меньше. С чем останемся?

Бесправный надзор

Чиназский оптовый рыбный рынок полон. Сюда везут товар со всей республики, включая Каракалпакстан. Здесь можно выгодно продать: рядом Ташкент с необъятным спросом. А в основном завоз с Чардаринского водохранилища, что на территории Казахстана, и с Айдаро-Арнасайской системы озер.

Этим озерам повезло. До 1993 года была высокая минерализация — до 8-10 граммов соли на литр, но после зимних сбросов из переполненного Чардаринского водохранилища минерализация куда меньше. Рыбе комфортно, да и много мальков скатилось. Растут их стада. Хотя вода сбрасывалась ради спасения гидросооружений, но это тот редкий случай, когда рыба выиграла.

Как организована ее охрана в Узбекистане? Эта задача возложена на действующий при Госкомитете по охране природы Госбиоконтроль и его инспекции. Одна из них — бассейновая — была создана в 1992 году с охватом двух областей — Сырдарьинской и Ташкентской. Мне рассказывали ее сотрудники, как наводили порядок на реке. Тут много браконьерничали и с узбекской стороны, и с казахской. Случалось, обливали инспекторов бензином, а как-то в отместку за изъятие мотора перегородили реку двадцать лодок — пытались взять их в заложники. Инспекторы действовали вместе с казахстанской милицией, и та история закончилась осуждением шести браконьеров.

Выходили и под пули по службе. А в 2000 году показалось, что все усилия по охране напрасны: потеряли три четверти рыбы из-за того, что она не смогла отнереститься.

Ждала большой воды, чтобы пройти над дамбами. Но в Кайраккумском водохранилище объемы придерживали для летних поливов. Родильный дом толстолобов находится на мелководье, где быстрая мутная вода, сазан же выбрасывает икру в светлой. В общем, рыба промучилась у Келеса пару месяцев и там же метнула икру. В привычных условиях матка выдает несколько десятков тысяч икринок, из которых двадцать процентов выживают. А тут без всяких правил гибли и рыба, и икра.

Теперь инспекторы защищают ту, что выжила. И снова приходится бороться с браконьерами — сейчас они действуют без моторок и динамита, зато применяют электроудочки. Внешне выглядит пристойно: на резиновых лодках подгребают к ямам на реке. Но подают туда 12-вольтный ток, и гибнет все живое. Это самый варварский метод. Рыбин вычерпывают сачками, мелочь выбрасывают. Так и карася не останется.

Что зависит от инспекторов? В бассейновой инспекции их двенадцать. Охраняют растительный и животный мир на 115 километрах Сырдарьи от Бекабада до границы с Казахстаном плюс по притокам — Ангрену, Бозсу, Чирчику. У них были и есть проблемы с самыми элементарными средствами для охраны. Скажем, на все про все имеют три моторки и две автомашины. Бензина на год выделяется три тонны. А надо бы столько на период нереста.

От них не зависит подача воды из Кайраккумского водохранилища для прохода рыбы на нерест. Когда спускать воду, решает Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия пяти государств региона на уровне заместителей министров сельского хозяйства. От инспекторов не зависит и то, что хозяйства наращивают дамбы и углубляют запруды. Потребовать, чтобы остановили насос без рыбозаградительного устройства, фактически тоже нет права, ведь приоритетны интересы сельского хозяйства. Вроде бы есть законодательство об охране природы, но рыбу с его помощью не защитить. Не спросить и у тех, кто торгует оптом на рассвете на Чиназском базаре: “Есть документ, подтверждающий законность приобретения рыбы?”

На весь Узбекистан приходится двести инспекторов Госбиоконтроля, охраняющих растительный и животный мир. Необъятное при таком составе и технической оснащенности не объять. Вроде бы логично, что в девяностые годы у Госбиоконтроля забрали право проверок на базарах и на дорогах, возложив всю ответственность на хокимияты, милицию, налоговые органы, санэпидстанции. Но нет логики, когда эти проверки проводятся с разрешения чиновников, координирующих проверки. В итоге государство не знает, сколько воруют принадлежащей ему рыбы, и не дополучает налоги. Оно предполагает, что рыба ловится по утвержденным квотам.

На самом деле улова раза в два больше — так утверждают специалисты из НИИ аквакультуры. Здесь, как и в Госбиоконтроле, убеждены, что нужен закон о рыболовстве. Что касается охраны, то вести ее могут и дальше инспекции Госбиоконтроля. Но их надо усилить. Предшественники из Узрыбвода могли многое, даже завод остановить, если из-за его сбросов в реки и водоемы дохла рыба. Не разрешали без рыбозаградительных сеток работу насосов. Они же добивались компенсаций за ущерб, наносимый рыбным ресурсам.

В счет компенсаций в 80-е годы Минсельводхоз построил в Узбекистане пруды общей площадью в десять тысяч гектаров. Они и в самом деле компенсировали потери рыбы, связанные со строительством гидросооружений на реках, усыханием Арала.

Государство считает

В шестидесятые годы 60 тысяч тонн рыбы в Узбекистан завозили и 25 тысяч было своей — в основном аральской. Чем она хороша? В рыбе легкоусвояемый белок, ни один другой продукт его не заменит. Мы не дотягивали до общепринятой нормы в одиннадцать

килограммов в год на человека, набирая четыре. Но, когда упали уловы в Арале, смогли остаться на этом уровне благодаря прудам. Они давали узбекистанцам около 25 тысяч тонн в год.

Их минус, что страдали гигантоманией — в среднем строились в полсотни гектаров, но достигали и полутораста. В мире практикуются куда меньшие. У нас земля была бросовая, вода бесплатная, а деньги бюджетные. Вот и размахнулись. Правда, очень скоро республика почувствовала, что получила неуправляемые экосистемы. За два-три года пруды заилились, стали зарастать и потребовались большие средства на дноуглубительные работы и очистку. Там, где шла подпитка из каналов, заиливание шло сильнее, как, к примеру, в Каганском рыбхозе. Чем меньше глубина — тем меньше продуктивность.

До 1994 года убыточная отрасль дотировалась из бюджета. К этому времени, экономя валюту, торговля отказалась от завоза морской рыбы. Реструктуризация и акционирование в рыбном хозяйстве республики едва не оставили узбекистанцев и вовсе без легкоусвояемого белка. За пять лет рыболовецкие предприятия сократили уловы раза в три, в 1996-м двенадцать предприятий из двадцати оказались убыточны.

При реорганизации госконцерна в корпорацию “Узрыба” (в настоящее время преобразована в АК «Узбалык») получила в доверенное управление госдолю в четверть капитала акционированных предприятий. Задним числом можно попенять ее руководителям, что допустили столь низкое падение объемов, но можно и поблагодарить, что спасли рыбоводство от краха, предложив новую финансовую стратегию. Суть ее: не гнаться за продуктивностью, а озаботиться рентабельностью, экономить материальные ресурсы, по максимуму использовать кормовую базу прудов!

На читателя, наверное, эти лозунги навевают скуку. Рыбоводам скучать было некогда: как раз в ту пору птицеводы отобрали единственный специализированный комбикормовый завод. Чем насытить подопечных?

В 1990 году рыбных гранулированных кормов в республике производилось для прудовых хозяйств свыше 60 тысяч тонн. Половина — доля Чиназского опытного завода. Предполагалось, когда отнимали, что он поднимет птицеводство. Насколько поднял — другой вопрос, но сазанов и прочих карповых без него точно опустили. Корм для них должен содержать до сорока процентов протеина. Корма, которые поставлял “Узхлебопродукт”, содержали его в пять раз меньше, причем не в гранулах, а в россыпи. А из россыпи большая часть протеина вымывается. И таких кормов получили в 2000 году всего 4,5 тысячи тонн.

Понятно, почему, ведь все комбикорма готовятся на основе злаковых. Их не хватает. И первыми в очереди на продукт определены птицеводство и животноводство. А рыба — последняя. Но с такой еды из икры вырастет разве что килька.

Долю карповых при зарыблении прудов хозяйства снизили с сорока процентов до пятнадцати. И в этом же 2000-м при общем улове в республике в 8,8 тысячи тонн доля карповых составила меньше полутора тысяч. Для любителей сазана статистика огорчительная, зато почти все хозяйства закончили год с прибылью за счет растительноядных — белого и пестрого толстолобов, белого амура.

Как сохранить генофонд?

На белый амур есть спрос. Питается высшей растительностью — камышом и клевером. Проблема в том, что в прудах не размножается. Можно научиться получать потомство в инкубационных цехах? Оказалось, можно. Задачу решили ученые Москвы и Ташкента, в последнее время этим занимаются в НИИ аквакультуры.

По счастью, в условиях перехода к рыночной экономике этот институт сумел выжить. У

него есть разные функции, например, прогнозирует в водоемах промышленный лов. А главное направление — племенное дело. То, что стали получать искусственным путем потомство белого амура, одна из удач. Но есть заслуга ученых института и в том, что рыбхозы окрепли. Наука помогла им, поддерживая в чистоте генофонд основных прудовых рыб.

Потерять породу очень легко. Посадочный материал, не зная тонкостей технологии, не подготовить. Вот и работают ученые в рыбопитомниках республики. Сперва в специальные прудики отбирают лучшие экземпляры из тех, что готовы к нересту. Затем каждая рыбина получает свою порцию инъекций — вкалываются гормональные препараты из гипофиза сазана. Белому амуру и толстолобам нужна порция побольше, иначе не отнерестятся. А карп так и так кинет икру, но с инъекцией — в нужный день.

Что дальше? Скрещивают разные подвиды, но сохраняют и чистые линии. Икру вперемешку с молокой помещают в инкубационный аппарат, имитирующий речные условия. Три дня икра инкубируется, тут ее обрабатывают, следят, чтобы не застаивалась. Тем временем и пруд готов, вычищенный, проборонованный, с удобрениями. После того, как зальют воду через фильтры и спустят в нее икру, процесс пошел. К осени сеголетки по мелкоте плавают косяками. На зиму их отправляют спать в глубокие пруды, а следующей весной — в обширные нагульные.

Нужно время, чтобы получить товар. При этом постоянно рыбоводов гложет не столько чистота генофонда, сколько финансовая выживаемость: “Затраты окупятся через пару лет, а на что корма покупать?” Если удастся взять кредит и купить есть на что, то: “Кто продаст и какого качества?” А еще постоянно терзает неизвестность: “Отпустит ли Минсельводхоз воду прудам?”. В маловодье 2000-го выдал ее в два раза меньше потребности. Но когда хозяйствам компенсировались убытки от нехватки воды, рыбоводов проигнорировали. Ну явно не первые в очереди. Похоже, так получится и с заменой высокобелкового корма рачком, интенсивно плодящимся в архисоленом Арале. Он многим нравится.

Привлекательная артемия

Когда таможенники обратились в “Узрыбу” и к ученым Института аквакультуры за разъяснениями, что это за продукт (“вывозят, а мы не знаем”), там тоже не знали, кто ведет промысел в Узбекистане. С казахстанскими рыбаками ясно — они официально сообщили, что их улов рачка артемия на Арале по итогам 2000 года составил шестьсот тонн. Почему бы и нам не ловить? Корпорация “Узрыба” сделала запрос в Госкомприроду — этот госкомитет выдает квоты на отлов рыбного населения. Госкомприрода со своей стороны сделала запрос в Институт зоологии Академии наук, отвечающий за научную оценку рыбных запасов. Оттуда ответили, что распределением квот на лов артемии заниматься рано: “Надо изучать”.

Тем временем, судя по вопросам таможенников, в Узбекистане ее уже промышляют и даже вывозят. Беспозвоночный рачок артемия — прекрасный рыбий корм, пользующийся спросом на мировом рынке. Его бы нашим карповым…

В Институте аквакультуры солидарны с коллегами, что артемию-салине в Арале надо изучать. Но и добывать. Рачок появился в Арале недавно, когда вода превратилась в рассол. По литературным данным, ему чем солоней, тем лучше. Надо бы сделать несколько облетов на самолете, проанализировать ситуацию и принимать решение о добыче. А то получится как с Сарыкамышским озером, которое делим с туркменами: у нас запрет, а соседи ловят.

Насчет артемии просчитываются разные варианты. Большой соблазн всю ее отправлять на экспорт — принесет валюту. Но есть и другие варианты, в которых должен быть

интерес у рыбоводов и государства. Используя как корм для прудовых, можно повысить поголовье рыбных стад в родном отечестве, а используя как корм для осетров, зарабатывать валюту на экспорте черной икры.
Построить завод по выращиванию осетров предложили немцы, а для начала — создать СП под Ташкентом. Технология отработана в Германии: емкость размером с комнату наполняется из подземных источников высокоаэрированной водой. Освещенность — круглые сутки, что сокращает цикл до половой зрелости. В одной “комнате” выращивают полсотни осетров. Ну а когда придет срок, им вспарывают животы, икру изымают, животы зашивают и выпускают в бассейн, чтобы восстановились. А потом процесс повторяется. Работа этого СП реальна, если будет высокобелковая артемия.
Если мечтать дальше, то можно предвидеть возрождение промысла на мертвом море. Потребуются и настилы, и спецоборудование, и обязательно — рабочие руки, как на промысле, так и на Муйнакском консервном. По прогнозу через два-три года Узбекистану реально иметь артемии по две тысячи тонн за сезон. Не случайно к артемии проявляют пристальный интерес конкурирующие зарубежные компании.

Тем временем в озерах и водотоках

Четверть всей рыбы добывается в Айдаро-Арнасайской системе озер. Так — на стыке двух веков. Если сбросов больше не будет в связи с вводом нового казахского водохранилища ниже Чардары, то условия для рыбы ухудшатся. Это — в будущем. А сейчас скажем о том, как ловится здесь и в других водоемах.
Все они расписаны по трем категориям. Нынче богаче всех Айдаро-Арнасайская система озер, потому рыболовецкие предприятия жаждут быть приписанными к ней. Решают местные власти, отдавая предпочтение предприятиям с государственной долей капитала. А Госкомприрода оформляет это договором. Вторая и третья категории — водоемы площадью поменьше. В отличие от первой категории здесь нет госзаказа. Где будет продаваться улов — на Чиназском оптовом базаре или в соседнем городке — никого не касается. Это бизнес. Но чтобы бизнес получился, мало иметь приписку. Предприятие должно у государства — хозяина рыбы — купить квоту на отлов. Госкомприрода, продавая квоты, исходит из научной оценки рыбных запасов Института зоологии, чтобы избежать биологического перелова.
На первый взгляд все в интересах рыбы и рыбака. А посмотришь попристальнее на сложившийся порядок, тут столько парадоксов, когда и не в интересах рыбы, и не в интересах рыбака с государством…
Возьмем водохранилища. Для ловли рыбы в них тоже нужна квота. В Тудагульском водохранилище, что в Навоийской области, добывали 740 тонн, а в 2000 году еле-еле дотянули до 240. Экологи в этом не виноваты, они следили, чтобы не было перелова. Но его и не было. Просто из этого водохозяйственного объекта спустили сельскому хозяйству воду, а с ней ушла на поля и рыба, где и погибла. “Не ловите!” — настаивают экологи. Но выход в канал не оборудован заградительным устройством.
“Не ловите…” По-другому бы говорить и действовать. Надо бы сказать хозяевам водохранилищ: “Стройте рыбопитомники, зарыбляйте водохранилища и ловите без ограничений”. Тогда хозяева позаботятся и о том, чтобы установить ловушки на выходе. Это ж доход. Выловили, продали, заплатили налог государству, все в выигрыше. А как, к примеру, в Талимарджанском водохранилище? Тут шесть каскадов, рыба не нерестится. Но есть квота и есть запрет.
Точно так же по квоте ловится рыба и в озерах дельты Амударьи с 45-дневным запретом в период нереста. Каракалпакская инспекция Госкомприроды строго контролирует. А так и хочется воскликнуть: “А что толку?!” Осенью 2000-го я встречалась в Нукусе и с

экологами, и с рыбаками “Каракалпакбалык”. Все были озабочены маловодьем: воды в Амударье по пояс, озера повысохли. Рыбу спасали, подключив дехкан — из луж перевозили туда, где хоть немного воды. В этот год улов в Приаралье составил 1100 тонн. Следующей весной, в икромет, экологи призвали рыболовецкие бригады к тотальному отлову. От двух десятков озер с общей площадью в 97 тысяч гектаров почти ничего не осталось. Улов – в два раза меньше, чем в предыдущем году.

Там — великая сушь, а в Айдаро-Арнасайской системе озер за десятилетие объем воды прибавился почти в три раза. Сколько разрешено черпать из него? Квота на отлов для легальных рыбаков Айдар-Арнасая установлена в 1600 тонн. Судя по тому, сколько рыбы на базаре, можно предположить, что браконьеры ее ловят не меньше.

Кто — браконьеры? Их роль в экономике страны очень неоднозначна. С одной стороны, они обеспечивают рынок рыбой. Для многих местных жителей после того, как вода затопила пастбища, это единственный источник существования. Но с другой стороны, браконьеры не платят налогов, создают теневой бизнес. Не лучше ли их легализовать, вместо того, чтобы и дальше бороться с ними малоуспешными силовыми методами? Ловить ведь есть что, запасов они не подрывают.

Если ловить, как в Китае…

Посмотрим, как организовано дело в Китае. К примеру, у озера Тай площадь в полтора раза меньше, чем у Айдаро-Арнасайской системы озер. Но ловят в нем восемнадцать тысяч тонн рыбы в год, промыслом заняты тридцать тысяч рыбаков. Там есть мощности по перевозке живой рыбы. Но возить живую рыбу — роскошь. В основном рыба загружается в рефрижераторы, а мелочь перерабатывается на мини-заводах и в виде рыбной муки идет на корм птице.

Нам мини-заводы тоже бы пригодились. И не только на берегу Айдара, Арнасая, Тузкана, но и на выходе из любого водохранилища. И рефрижераторы были б кстати, ведь замороженная рыба не теряет качества. В Узбекистане рефрижераторов для перевозки рыбы нет. В теплое время года ее стараются перевозить ночью. Но немало ее гибнет еще в сетях, пока дожидается.

У китайцев на озере Тай шесть тысяч катеров и моторных лодок. Соответственно и неводов с сетями. У наших рыбаков несопоставимо мало катеров и лодок. Неводов штуки три. Еще несколько лет назад ими ловили восемьдесят процентов всей рыбы в низовьях Амударьи и Айдаро-Арнасайской системе озер.

Так, в Арнасае были промышленные тони — специальные участки водоема, оборудованные для ловли рыбы неводом. Для начала в них сбрасывали машину комбикорма. И ловили бригады за раз 30-40 тонн. Было подведено электричество для лебедок, создана береговая инфраструктура. С 1991 года вода поднялась на восемь метров. Затопило всю инфраструктуру. Толстолобов ловили неводами во время нерестового хода, когда шли они после зарыбления из озер в реки. Госбиоконтроль разрешал — только размер ячейки контролировал. И сейчас разрешает. Но толстолоба на Сырдарье нет, тоней тоже нет.

Сети выходят из строя за год. Покупать их, как и неводы, надо за валюту. В общем, ловят легальные рыбаки тем, что есть. А когда нерест, сети сушат. Нелегальные — ловят.

Ловить или не ловить? Во всем мире отлавливают крупных толстолобов и сазанов круглый год. Половину всего сазаньего стада надо отлавливать до сорока сантиметров. Далее сазан перестает расти, но корм поглощает. Зачем такого охранять?

Наверное, пришла пора менять прежний порядок. Сроки запрета корректируются. Но и иные возможности есть. По данным отраслевых ученых, поголовье тех стад, что ”облавливаются” (из двадцати видов промысловых и полупромысловых рыб в

Айдаро-Арнасайской системе озер идет лов сазана, судака и жереха и еще шести видов совсем по чуть-чуть), составляют более десяти тысяч тонн рыбы в год. А если начать ловить чехонь, мелкую частиковую рыбу… Сейчас ее не ловят. И дело не только в нехватке сетей и неводов, а в том, что легальные рыбаки ориентируются на более коммерческий продукт.

Когда в рыболовецких бригадах ведут разговор о необходимости изменить существующий порядок, к ним не очень прислушиваются. А ведь много резонного в том, чтобы расширить круг легальных рыбаков. Готовя закон о рыболовстве, надо предусмотреть систему лицензирования, изменить систему лова в водохранилищах, и система квотирования должна быть проще. Что до запрета лова во время нереста, то и тут действия могут быть гибче. Скажем, на Амударье и Сырдарье надо 45 дней запрета, а на Айдаре, Арнасае, Тузкане запрещать в местах нерестилищ. В Китае, кстати, тоже все водоемы и водотоки поделены на категории. В одних — используют фактически рыбоводный режим без природоохранных ограничений, в других есть ограничения, а третьи — заповедники с полным запретом хозяйственной деятельности.

Как будет развиваться отечественное рыбоводство? По линии дальнейшего разгосударствления и акционирования отрасли. Она совсем не безнадежна. Китайцы заявили, что хотят купить в Узбекистане рыбхоз. Израиль хочет создать совместное предприятие, переведя сюда свой рыбхоз, немцы намерены выращивать осетровых. По их меркам в Узбекистане неограниченные возможности.

Наталия ШУЛЕПИНА

Книга \»Несколько сюжетов на фоне маловодья\», 2002г.

Изд.центр \»Янги аср авлоди\».

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

16.02.2009